

ПЕРСПЕКТИВЫ
ПСИХОЛОГИИ

Т. А. Нестик

ОТНОШЕНИЕ К ВРЕМЕНИ В МАЛЫХ ГРУППАХ И ОРГАНИЗАЦИЯХ

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Перспективы психологии

Тимофей Нестик

**Отношение к времени в
малых группах и организациях**

«Когито-Центр»

2011

УДК 159.9
ББК 88

Нестик Т. А.

Отношение к времени в малых группах и организациях /
Т. А. Нестик — «Когито-Центр», 2011 — (Перспективы
психологии)

ISBN 978-5-9270-0205-4

Книга посвящена новому направлению в современной психологии – социальной психологии времени. Впервые рассмотрены основные социально-психологические подходы к изучению феномена времени, а также осуществлен теоретико-методологический анализ отношения группы к времени. Особое внимание уделено роли индивидуального отношения к времени в процессах социальной интеграции, темпоральным аспектам лидерства, структуре и факторам группового отношения к времени, отношению к времени как характеристике организационной и деловой культур. Книга адресована в первую очередь специалистам в области социальной психологии, психологии личности, социологии и культурной антропологии, она будет полезна преподавателям и студентам психологических и социологических факультетов вузов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-9270-0205-4

© Нестик Т. А., 2011

© Когито-Центр, 2011

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Глава 1	10
Предмет и основные теоретические проблемы социальной психологии времени	10
Состояние исследований отношения к времени в социальной психологии	12
Глава 2	24
Социальное конструирование времени: теоретический анализ[1]	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тимофей Александрович Нестик

Отношение к времени в малых группах и организациях

* * *

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

© Учреждение Российской академии наук
Институт психологии РАН, 2011

Предисловие

Монография Т. А. Нестика открывает, бесспорно, новое для отечественной психологии направление исследований – *социальную психологию времени*, ориентированную на изучение восприятия, переживания и организации времени коллективными субъектами. В центре внимания впервые оказывается психологическое время малой группы и организации.

Данная работа опирается на сформировавшуюся в Институте психологии РАН традицию исследования психологического времени личности и временных факторов трудовой деятельности (К. А. Абульханова-Славская, Д. Н. Завалишина, В. А. Ковалев, А. А. Кроник, А. Н. Лебедев и др.).

В монографии освещаются не только теоретико-методологические проблемы социальной психологии времени, но и результаты проведенных автором эмпирических исследований. Автор вносит вклад в изучение актуальных, но недостаточно разработанных социально-психологических *феноменов*: роли индивидуального отношения к времени в процессах социальной интеграции, роли полихронности и лидерского видения будущего в управленческой деятельности, отношения к времени как характеристики организационной культуры и его места в российской деловой культуре, представлений работников о прошлом, настоящем и будущем своей организации и др.

В этой области исследований особенно остро чувствуется нехватка адекватного методического инструментария. До сих пор изучение отношения к времени как группового феномена велось с помощью модификации методик, разрабатывавшихся для изучения психологического времени личности. Очевидно, что для исследования *отношения личности и группы к времени в совместной деятельности* нужны специально разработанные методики. Шаги, сделанные автором в этом направлении, являются позитивными и в дальнейшем должны быть продолжены.

Автором выполнен обширный и глубокий анализ социально-психологических исследований времени в России и за рубежом. Впервые в отечественной и зарубежной психологии выделены и рассмотрены *основные социально-психологические* подходы к изучению феномена времени, а также осуществлен теоретико-методологический анализ отношения группы к времени.

Автор убедительно показывает, что *групповое отношение к времени* несводимо к индивидуальному: оно имеет свою собственную структуру и формируется под влиянием специфических социально-психологических факторов. В его структуре могут быть выделены когнитивные, эмоционально-оценочные и поведенческие компоненты, несводимые к психологическому времени отдельной личности (эмоционально окрашенные представления о прошлом и будущем своей группы, социально-временная идентичность, групповые представления об объективных временных характеристиках социальных процессов и явлений, социально-временные авто- и гетеростереотипы, групповые нормы организации времени и др.). Т. А. Нестик выделяет социально-психологические функции группового отношения к времени, а также ряд психологических механизмов его формирования.

С точки зрения автора, отношение к времени включено во все психологические отношения группы, поэтому изменение отношения группы к себе, другим группам, к миру в целом влечет за собой изменения в ее отношении к времени. Компоненты группового отношения к времени непосредственно включены в механизмы социальной идентификации, социального сравнения и стереотипизации. Особенно важным для отечественной и зарубежной психологии вкладом автора является анализ структуры и факторов отношения к времени в малой группе, а также разработка понятия *групповой (организационной) временной перспективы*.

Т. А. Нестик сформулировал теоретические и прикладные проблемы, требующие своего решения, наметил конкретные направления дальнейших исследований в данной научной области. На наш взгляд, наиболее интересным является изучение содержания *коллективной памяти в организациях*, а также факторов, влияющих на психологическую готовность первичных трудовых коллективов к анализу своего прошлого и прогнозированию будущего.

Хочется выразить надежду на то, что данное актуальное и перспективное для современной социальной психологии направление будет активно разрабатываться отечественными исследователями.

Член-корреспондент РАН А. Л. Журавлев

Введение

Феномен психологического времени приобретает все большее значение для социальной психологии, и связано это с целым рядом обстоятельств. Во-первых, жизнедеятельность личности и социальных групп протекает сегодня в быстро меняющемся мире, что не может не сказаться на особенностях социального познания. Образ мира современного человека включает в себя темпоральные характеристики социальных объектов и процессов. Отношение к социальным изменениям не может изучаться без учета особенностей индивидуального и группового восприятия, переживания, осмысления и организации времени. Во-вторых, дальнейшее продвижение в разработке проблемы времени в социальных науках невозможно без объединения усилий социологов и психологов, иными словами, без социально-психологического подхода. Так, изучение социального времени долгое время являлось прерогативой социологии. Однако рост интереса социологов к коллективной памяти, образу будущего, механизмам социального конструирования времени в межличностном и межгрупповом взаимодействии неизбежно выводит их на проблемы, для решения которых социальная психология обладает наибольшим теоретико-методическим потенциалом. И наоборот, в отечественной и зарубежной психологии времени неоднократно отмечалась необходимость учета социального контекста восприятия и переживания времени личностью. Становится очевидным, что автобиографическая память личности, ее образ времени и представления о будущем включают в себя социальные компоненты, изучение которых требует выхода на межличностный и групповой уровни психологического анализа. Наконец, время становится все более важным аспектом управления совместной деятельностью. С этим связан рост внимания к восприятию и организации времени в психологии управления, межкультурных отношениях, потребления и других прикладных областях социальной психологии.

Целью данной монографии стала теоретическая и эмпирическая разработка социально-психологического подхода в изучении отношения личности и группы к времени в организациях.

Под *временем* мы будем в дальнейшем понимать совокупность объективно данных отношений следования и одновременности между событиями, определяемых посредством сравнения с любым другим отличным от них событием.

Социальное время рассматривается нами в работе с двух точек зрения. Во-первых, как объективные отношения предшествования, следования и одновременности между действиями людей, социальными явлениями и процессами. Во-вторых, как субъективное отражение этих отношений в групповом сознании, т. е. общепринятые в рамках той или иной социальной группы представления о временных отношениях между культурно значимыми процессами и явлениями, закрепляемые и воспроизводимые при помощи различных культурных кодов в актах коммуникации. Таким образом, при исследовании роли времени в групповых процессах можно выделить *объективное время группы* (темпоральные характеристики совместной деятельности, особенности ее организации во времени) и *субъективное время группы*.

Субъективное, психологическое время понимается нами как совокупность психологических отношений личности и группы к временным отношениям. Здесь объективные временные отношения между событиями в индивидуальном и групповом сознании «удваиваются», превращаясь в отношения к отношениям, – они воспринимаются, реконструируются, переживаются и осмысляются, получая определенное значение и оценку.

Одной из особенностей работы и вместе с тем ее ограничением является то, что в центре нашего внимания находятся прежде всего структура, характеристики и предпосылки *группового отношения к времени*. Соответственно, и среди характеристик психологического времени личности нас будут интересовать прежде всего те, которые влияют на психологическое время

группы. Понятия «субъективное время группы», «отношение группы к времени» и «групповое отношение к времени» нами используются как синонимичные, однако мы признаем, что дальнейшие исследования позволят разграничить эти понятия. Например, отношение группы к времени может рассматриваться как уникальная характеристика определенной социально-психологической общности, тогда как групповое отношение к времени можно было бы понимать как особенности коллективного восприятия, переживания, осмысления и организации времени, характерные для любой социальной группы.

Другая особенность исследования состоит в том, что это первая отечественная монография, непосредственно посвященная социально-психологическому анализу восприятия, переживания и организации времени в *совместной деятельности*. В ней впервые обобщаются результаты отечественных и зарубежных исследований феномена времени в психологии малых групп, организационной психологии, а также социологии организаций. Наконец, особенностью работы является то, что время рассматривается нами в контексте *социальной интеграции*. Один из важнейших вопросов, подтолкнувших нас к ее написанию, связан с тем, что позволяет нам считать друг друга современниками, каким образом формируются и объединяют нас представления о совместном прошлом и будущем.

В первой главе монографии формулируется предмет исследования и проблемное поле социальной психологии времени, рассматриваются основные сложившиеся направления и перспективы дальнейшего изучения времени в отечественной и зарубежной социальной психологии. Вторая глава посвящена преимущественно анализу роли индивидуального отношения к времени в процессах социальной интеграции: механизмам социального конструирования времени во взаимодействии личности с другими людьми, группами, обществом и его институтами. Также нами анализируются особенности отношения личности к времени в зависимости от характеристик ее социальной сети и уровня социального доверия.

Третья глава работы посвящена анализу особенностей группового отношения к времени. От рассмотрения основных теоретических подходов к изучению времени в совместной деятельности мы переходим к выделению структуры группового отношения к времени и факторов его формирования.

В четвертой, пятой, шестой, седьмой и восьмой главах исследования мы обращаемся к роли времени в жизни современных организаций. Отдельное внимание уделяется характеристикам психологического времени лидера, в частности роли видения будущего руководителем в интеграции группы. На основе проведенных нами эмпирических исследований мы анализируем отношение к времени как характеристику организационной культуры, выделяем ряд особенностей отношения к времени в российской деловой культуре, предлагаем социально-психологический подход к управлению временем в организации.

Автор выражает глубокую признательность А. Л. Журавлеву и Т. Ю. Базарову, а также Г. М. Андреевой, А. Г. Асмолову, Т. П. Емельяновой, Н. М. Лебедевой, С. А. Липатову, А. А. Обознову, В. П. Познякову, А. И. Пригожину, Е. Н. Резникову, В. А. Соснину, Г. В. Солдатовой, Т. Г. Стефаненко, И. Р. Сушкову, В. А. Штроо и всем сотрудникам лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН за поддержку выбранного нами направления исследований, ценные идеи и советы. Автор также хотел бы выразить благодарность всем слушателям курса «Психология времени», который более трех лет читается автором на кафедре психологии личности психологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, за участие в ряде эмпирических исследований.

Особую благодарность и глубокое уважение автор хотел бы выразить одному из своих учителей, покойному Петру Николаевичу Шихиреву.

Глава 1

Отношение к времени как проблема социальной психологии

Предмет и основные теоретические проблемы социальной психологии времени

В связи с ростом количества и теоретической глубины исследований роли переживания и организации времени в межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношениях в 1990–2000 гг. можно говорить о формировании нового научного направления – социальной психологии времени. Ее *предметом* являются, во-первых, *особенности отношения индивида к времени, проявляющиеся в результате его включения в отношения с другими людьми* (например, совместимость индивидов, характеризующихся различным отношением ко времени); во-вторых, *объективная пространственно-временная организация межличностного и межгруппового взаимодействия* (например, продолжительность, темп и ритм совместной деятельности); в-третьих, *особенности восприятия, переживания, осмысления и организации времени в групповом сознании и совместной деятельности, не сводимые к характеристикам субъективного времени отдельной личности* (например, внимание к времени и его ценность в организационной культуре или стереотипные представления о временных характеристиках аутгруппы – «время предпринимателя», «время чиновника»).

Можно выделить три проблемные области социально-психологического изучения времени.

Во-первых, временные факторы могут выступать в качестве *независимых переменных* социально-психологического исследования. Ключевым здесь является вопрос о том, *как различные временные характеристики личности, группы или среды влияют на особенности индивидуального или группового поведения*. Классический пример исследований в этой области – работы, посвященные влиянию дефицита времени на деятельность операторов и групповое принятие решений (Завалишина, 1977; Антосик, 1993; Pepinsky et al., 1960; Kelly, McGrath, 1985; Kerstholt, 1994; Kelly, Karau, 1999).

Во-вторых, фактор времени может быть источником *методологических проблем* при изучении любого социально-психологического явления, т. е. мы нуждаемся в более полном представлении о том, *как различные временные факторы определяют нашу исследовательскую стратегию, этапы программы исследования, выбор методов и методик измерения в любой области социальной психологии*. Вопрос можно сформулировать следующим образом: «Как временные характеристики используемых в исследовании подходов и методик влияют на связь между зависимыми и независимыми переменными?» Например, как меняется значимость и характер связи между стимулом и реакцией на него у группы испытуемых в зависимости от продолжительности интервала времени между экспериментальным воздействием на группу и замером вызванных этим воздействием эффектов. К числу таких временных факторов, влияющих на достоверность и надежность полученных данных, можно отнести выбор времени для проведения опроса или включенного наблюдения, соотношение продолжительности полевого исследования и динамичности изучаемого объекта, масштаб используемой временной шкалы и критерии одновременности регистрируемых явлений, в частности, критерии пространственно-временного единства совместной деятельности, учет циклов деятельности индивида или группы, в зависимости от которых выраженность измеряемой характеристики может

сильно колебаться, и др. К сожалению, проблеме времени в методологии социально-психологических и социологических исследований уделяется мало внимания и у нас, и за рубежом (Шляпентох, 1977; Веселкова, 1996; Zaheer et al., 1999).

Наконец, временные факторы могут рассматриваться в социально-психологическом исследовании как *зависимые переменные*, т. е. мы можем изучать *воздействие различных психологических и социальных факторов на объективные временные характеристики поведения личности и группы (его длительность, последовательность действий, периодичность, темп), а также на то, как люди воспринимают, переживают, осмысливают и организуют свое время*. Например, как настроение беседующих друг с другом людей влияет на продолжительность их беседы, чередование фаз слушания/говoreния, их субъективную оценку длительности беседы, временной масштаб обсуждаемых ими событий, отнесенность предмета разговора к прошлому, настоящему или будущему и т. д. Примерами таких исследований могут быть работы, в которых выявляется влияние уверенности команды в своих силах на успешность ее деятельности в условиях цейтнота (Gevers et al., 2001) или влияние типа совместной деятельности (совместно-индивидуальный, совместно-последовательный, совместно-взаимодействующий) на способ организации времени в группе (Ballard, Seibold, 2000).

Состояние исследований отношения к времени в социальной психологии

В зарубежной социальной психологии одной из наиболее ранних работ по изучению психологического времени группы стало исследование переживания времени безработными австрийской деревушки Мариенталь в период депрессии 1930-х годов М. Ягодой и ее коллегами, в ходе которого было выявлено влияние объективной временной структуры совместной деятельности на психологическое время (Jahoda et al., 1933). Оказалось, что у большинства безработных нарушение привычной структуры институционального времени было сопряжено с утратой интенциональности. Граница между прошлым, настоящим и будущим исчезла, планирование жизни осуществлялось на самое ближайшее время (несколько дней или часов), у многих исчезло само чувство времени. Лишь немногие использовали потерю связи с индустриальным ритмом для того, чтобы выстроить свою собственную структуру времени. Позднее М. Ягода в своей статье «Время: социально-психологический подход» назовет это исследование первой социально-психологической работой, посвященной проблеме времени (Jahoda, 1988).

Результаты первых эмпирических исследований психологического времени в социальной психологии указывают на то, что *«свое» время (понимаемое в данном случае как свободное или личное время) строится нами в тех границах, которые заданы общественными ритмами, институциональным временем.* Это индустриальное время может казаться нам навязанным, принуждающим и неестественным, т. е. «чужим», однако только во взаимодействии с ним мы можем строить «свое» время.

Более отчетливо в социальной психологии проблема субъективного времени группы была поставлена К. Левиным в 1942 г. Поводом для написания этой блестящей статьи послужило изменение еврейского самосознания в период фашистского геноцида. Анализируя причины устойчивости социальной группы перед лицом внешних угроз ее существованию, К. Левин указал на роль протяженности, связности и реалистичности временной перспективы: углубление своей истории (группового нарратива) в прошлое и будущее, расширение временного горизонта, в котором осмысливается происходящее, оказывается ценным личностным и групповым ресурсом выживания.

К сожалению, на протяжении 30 лет после выхода в свет статьи К. Левина социальные психологи к проблеме субъективного времени практически не обращались. Проблема времени рассматривалась практически исключительно в контексте субъективного времени личности. Отношение к времени крупных социальных групп затрагивалось лишь в работах по психологии классов (LeShan, 1952; Ellis et al., 1955; Green, Roberts, 1961; Judson., Tuttle, 1966; Kendall, Sibley, 1970; O'Rand, Ellis, 1974; Schmidt, 1976). Так, Л. ЛеШен в своей статье «Временная ориентация и социальный класс» опубликовал результаты тестирования на временную ориентацию 117 детей из разных имущественных слоев. Оказалось, что дети из малоимущих семей в большей степени ориентированы на настоящее, тогда как дети из семей среднего и высокого достатка более ориентированы на будущее. Кроме того, дети из менее обеспеченных семей рассказывают истории, охватывавшие более короткий временной интервал, т. е. характеризуются менее протяженной временной перспективой (LeShan, 1952). Полученные им данные были подтверждены и другими исследованиями: оказалось, что взрослые представители среднего класса, по сравнению с представителями менее обеспеченных слоев, характеризуются более выраженной ориентацией на будущее, более оптимистично его оценивают и более склонны считать, что оно зависит от их собственных усилий (O'Rand, Ellis, 1974; Schmidt et al., 1976). Этот факт говорит о том, что *временная перспектива длиннее у тех, кто более интегрирован в социально-временную структуру общества:* более образован, имеет более высокий социально-профессиональный статус. У тех, кто не смог найти своего места в обществе или

поставлен на грань выживания, временной горизонт (в данном случае – время, актуальное для индивида, учитываемое им) оказывается парадоксально ограниченным, он «схлопывается» до границ настоящего и ближайшего будущего, какими бы большими ни были ресурсы астрономического времени индивида. Это подтверждается данными отечественных социологов: чем больше образованность, возраст и профессиональный статус респондентов, тем шире их временной горизонт, длительнее планирование жизни (Наумова и др., 2000).

В качестве самостоятельной тема субъективного времени в зарубежной социальной психологии стала разрабатываться только с середины 1980-х годов (McGrath, Kelly, 1986; *The Social Psychology of Time*, 1988). Первой концептуальной монографией по социальной психологии времени стала книга Дж. Маграта и Дж. Келли «Социальная психология времени», вышедшая в 1985 г. Ее авторы основывают свой подход на предположении о том, что объективные повторяющиеся последовательности в поведении людей – ритмы человеческого поведения – определяют субъективное восприятие, переживание и осмысление времени индивидом и группой (Futoran et al., 1989; *The Social Psychology of Time*, 1988; McGrath, 1991).

По мнению Дж. Маграта и Дж. Келли, *на протяжении многих десятилетий социальная психология отличалась методологической слепотой в отношении времени*. Во-первых, время рассматривалось не как самостоятельная переменная, а как среда, в которой происходят изучаемые явления. Во-вторых, требование контроля внешних факторов, чистоты эксперимента приводило к тому, что социально-психологические явления изучались преимущественно в лабораторных условиях, где длительность, темп и последовательность процессов задавались искусственно. И даже в полевых исследованиях условия, несмотря на их «естественность», оставались статичными. В-третьих, изучение времени требует большого терпения и значительных средств: исследования стадий развития группы, изменения установки на протяжении длительного времени, социализации были немногочисленны из-за высокой стоимости и отсутствия соответствующих технических, методологических и статистических инструментов, необходимых для изучения временного характера этих процессов. В-четвертых, отсутствовала какая-либо концептуализация понятия «время». В теоретических работах очень часто упоминались такие понятия, как «процесс», «динамика» и «изменение», однако без какого-либо их определения. Очень популярным стало понятие групповой «динамики», которое несло в себе все те же смыслы, которые оно имеет в физических науках. Под изучением «процесса» чаще всего подразумевалось, что в исследовании учитывается разница между состояниями в разное время. На практике это выглядело как замер характеристик явления через произвольно выбранные интервалы времени. Наконец, важнейшая причина выпадения времени из поля зрения социальных психологов была та же, что и в социологии, а именно то, что центральную роль отводили поддержанию равновесия системы, восстановлению баланса разнонаправленных сил, снижению когнитивного диссонанса: изменение рассматривалось как временный, преходящий, переходный процесс.

Начиная с середины 1980-х годов в социальной психологии эта ньютонианская концепция времени, восходящая к Аристотелю и рассматривающая изменение как признак неустойчивости, стала уступать место гераклитовой концепции времени, предполагающей, что изменения происходят постоянно, что социально-психологические явления являются прежде всего процессами и имеют временную специфику. Это работы Дж. Тибо и Г. Келли по социальному обмену (Kelley, Thibaut, 1978), работы А. Альтмана и Д. Тейлора по вхождению в социальную группу (Altman et al., 1981), исследования стресса в организации (Katz, Kahn, 1976), исследования стадий развития рабочих и проектных групп (Gersick, 1988; Gersick, 1989), исследования роли времени в поведении потребителей (Jacoby et al., 1976; Graham, 1981) и другие работы. В России это были исследования стадий развития внутригрупповых и межгрупповых отношений, социализации, а в 1990-е гг. – работы, посвященные восприятию социальных, в том числе организационных, изменений (Психологическая теория коллектива, 1979; Уманский, 1980; Дон-

цов, 1984; Кричевский, Дубовская, 1991; Агеев, 1990; Шихирев, 1999; Сушков, 1999; Белинская, Тихомандрицкая, 2001; Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе, 1996; Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений, 1997; Журавлев, 1999, 2005; Базаров, 2000; Емельянова, Маташкова, 2002; Алавидзе и др., 2002).

Хотя предложенная Дж. Магратом и Дж. Келли концепция синхронизации ритмов не стала общепринятой, им удалось угадать то направление, в котором стала позднее развиваться социальная психология времени: изучение влияния объективных условий группового взаимодействия на отношение к времени (Futoran et al., 1989; McGrath, 1991). Гераклитианский переворот в социальной психологии, о котором говорили Дж. Маграт и Дж. Келли, имея в виду переход к изучению времени социальных процессов, стал совершенно очевидным в 1990-е годы, причем не только в психологии, но и в социологии (Baert, 1992; Штомпка, 1996; Нестик, 2008). Большинство работ, вышедших в этой научной области за последние 15 лет, выполнены в рамках деятельностного подхода, т. е. основное внимание их авторы уделяют влиянию объективных условий совместной деятельности на групповое отношение к времени.

С конца 1980-х годов исследование социально-психологической проблематики времени идет нарастающими темпами. Наиболее динамично оно развивается в трех областях: организационной, экономической и кросс-культурной психологии.

В *организационной психологии* внимание к проблеме времени неуклонно растет с начала 1980-х (McGrath, Rotchford, 1983; Clark, 1985; Sirianni, 1987; Bluedorn, Denhardt, 1988; Hassard, 1991; Heejin, Liebenau, 1999; Ancona et al., 2001; Bluedorn, 2002; Cunha, 2004; Bonneau, 2007; Ryan, 2008). Наибольший интерес исследователей вызывает влияние, которое оказывают на отношение к времени новые технологии (Barley, 1988; Sahay, 1997; Lee, Liebenau, 2000), особенности взаимодействия при решении задачи (Ballard, Seibold, 2000; Ballard et al., 2008), скорость обратной связи (Onken, 1999), особенности принятия решений в организации (Butler, 1995), характер лидерства (Thoms, Greenberger, 1995; Mocciano Li Destri A., Dagnino, 2004; Thoms, 2004; Bluedorn, 2008), характеристики организационной культуры и организационные нормы, регламентирующие взаимодействие во времени (Schriber, Gutek, 1987; Ancona et al., 2001; Bonneau, 2007). Чрезвычайно активно разрабатываются временные аспекты групповой динамики в командах, работающих внутри организации (McGrath, Kelly, 1985; Gersick, 1989; Seers, Woodruff, 1997; Marks et al., 2001; Harrison et al., 2003; Arrow et al., 2004; Ballard et al., 2008).

В *экономической психологии* проблема времени стала изучаться с середины 1970-х годов в связи с потребительским поведением: тем, как на него влияют отношение к времени в культуре, временная перспектива личности, временная ориентация покупателей, их предпочтения в организации своего времени (van Raaij, 1991; Jacoby et al., 1976; Holman, 1980; Hornik, 1984; Bergadaa, 1990; Carmon, 1991; McDonald, 1994). Однако сегодня все большее внимание уделяется и другим темам. Исследуются временные аспекты психологии сберегательного поведения (Maital, Maital, 1978; Klos et al., 2005; Ersner-Hershfield et al., 2009), трудовой мотивации (Seijts, 1998), предпринимательства (Bird, 1992; Das, Teng, 1997), поведения безработных (Roche, 1990; Martz, 2003).

В *кросс-культурной психологии* изучаются этнокультурные особенности временной перспективы и временной ориентации (Hallowell, 1955; Jones, 1988), темпа жизни (Lowin et al., 1971; Levine, 1988; Levine, 1997), планирования и использования времени (Dempsey, 1971; Levine et al., 1980; Hall, 1983; Hall, Hall, 1990; Usunier, 1991), а также представлений о природе времени (Lomranz, Shmotkin, 1991; Blockf, Buggie, 1996).

Это десятки, а в некоторых случаях – сотни работ, проанализировать которые здесь не представляется возможным. Если использовать уже введенное нами разграничение объективного и субъективного времени группы (см. введение), которые выступают в этих работах в

качестве зависимой или независимой переменных, то сложившееся исследовательское поле можно представить следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Время как зависимая и независимая переменная
в социально-психологических исследованиях**

	Объективное время	Субъективное время
Зависимая переменная	Влияние структуры групповой задачи на временную организацию совместной деятельности (последовательность, темп и ритм), на стадии групповой динамики	Влияние характеристик совместной деятельности на переживание и организацию времени группой
Независимая переменная	Влияние дефицита времени на совместную деятельность	Влияние отношения к времени (временной перспективы, предпочтений в организации времени) на эффективность совместной деятельности

В отечественной социальной психологии восприятие, переживание, осмысление и организация времени изучаются преимущественно на внутриличностном, групповом и социальном уровнях анализа. Вместе с тем межличностный и особенно межгрупповой уровни анализа затрагиваются значительно реже (см. таблицу 2).

**Таблица 2 Изучение проблемы времени в
отечественных социально-психологических работах**

Уровень социально- психологи- ческого ана- лиза	Предмет исследования
Социеталь- ный	Образ времени как один из элементов образа мира (Андреева, 2000); характеристики субъективного времени крупных социальных групп в период социально-экономических изменений (Муздыбаев, 2000; Наумова, 1997; Наумова, Пригожин, Горяинов, 2000; Попова, 1999; и др.).
Групповой	Коллективная память (Емельянова, 2002, 2003, 2006), переживание и осмысление времени в различных социальных группах (Безгодова, 2004; Виценко, 2005; Мандрикова, 2005; Одинцов, 2005; Яссман, 2008; и др.); групповое планирование деятельности бригад (Лебедев, 1987); этнокультурные факторы временных конфликтов в деятельности экипажей морских судов (Шилова, 2005); отношение к времени в малых группах и организациях (Нестик, 2007, 2009).
Межлич- ностный	Временная структура межличностного общения (Болотова, 1994; 1997; 2006); межличностные конфликты по поводу времени (Нестик, 2004; Нестик, Баимбетова, 2007).
Внутрилич- ностный	Историческая память как компонент автобиографической памяти, роль автобиографической памяти в формировании социальной идентичности (Нуркова, 2000, 2004, 2008; Ахмеров, 2007); временные аспекты Я-концепции и социальной идентичности (Андреева, 2000; Белинская, 1999; Белинская, Тихомандрицкая, 2001; Белинская, 2008; Минюрова, Плеханова, 2007); синтез временной формы трудового процесса операторами в совместной деятельности на транспортных средствах (Стрелков, 2004, 2009а, 2009б); отношение личности к времени и деньгам (Нестик, 2009)

Косвенно проблематика отношения к времени в группе была затронута в исследованиях, посвященных стадиям развития коллектива (Л. И. Уманский, А. В. Петровский, А. И. Донцов, Р. Л. Кричевский, А. Л. Журавлев и др.), а также в работах по изучению временной организации индивидуальной и совместной профессиональной деятельности (Д. А. Ошанин, В. А. Денисов, Д. Н. Завалишина, А. Н. Лебедев, Ю. К. Стрелков, Е. В. Шилова и др.).

Непосредственно к данной проблеме российские социальные психологи стали обращаться лишь в последние 15 лет. В частности, тема времени стала разрабатываться в рамках

социальной психологии личности в связи с социальной памятью как элементом автобиографической памяти (исследования В. В. Нурковой, Р. А. Ахмерова и др.), а также в связи с временными аспектами Я-концепции и идентичности (Е. П. Белинская, С. А. Минюрова, Л. Л. Плеханова и др.).

А. К. Болотова в своих работах исследует целый ряд социально-психологических аспектов восприятия, переживания и организации времени. Предметом ее работ стали гетерохронность профессионального развития личности, особенности целеполагания и структурирования деятельности в различных условиях, пространственно-временные характеристики коммуникативной деятельности личности, а также переживание времени в ситуациях социальной нестабильности. Она раскрывает особенности и временные параметры межличностных взаимодействий, где ведущим критерием выступает временная компетентность личности, т. е. способность организовываться и организовывать свою деятельность, общение во временном пространстве жизненного пути. Особое внимание А. К. Болотова уделяет проблеме своевременности самораскрытия личности в общении, а также временной структуре невербального поведения и ее роли в формировании диалогичности общения (Болотова, 1994; 1997; 2006). Так, например, ею было обнаружено, что роль одновременности сходных кинесических проявлений у собеседников (контакт глаз, зеркальные позы и мимика) меняется в зависимости от стадии общения. В начале беседы они способствуют взаимопониманию партнеров, но их постоянное присутствие снижает диалогичность общения. Для эффективного взаимодействия увеличение временной длительности зеркальной позы должно сопровождаться одновременным уменьшением количества и длительности взаимовзглядов и зеркальной мимики.

Был выявлен и ряд других особенностей временной структуры общения. В частности, установлено, что преждевременное самораскрытие может восприниматься как агрессия. Были уточнены некоторые особенности временной ориентации в общении. Как предполагается, отношения с малознакомыми людьми ориентированы в основном на прошлое и в некоторой степени – на настоящее. Межличностные отношения со значимыми другими в основном ориентированы на будущее. Наконец, общение с близкими людьми обычно охватывает темы всего жизненного пути личности, они связаны и с ее прошлым, и с настоящим, и с будущим. Действительно, как показывают исследования А. К. Болотовой, самораскрытие в межличностных отношениях развивается постепенно, все больше затрагивая проблемы общего будущего (Болотова, 2006). Этим феномен самораскрытия отличается от самопредъявления, ориентированного прежде всего на настоящее.

Отношение к времени рассматривается и как один из феноменов психологии социального познания. Так, Г. М. Андреева указывает на необходимость исследования образа времени как одного из элементов образа мира. Для обозначения идентификации личностью себя во временных категориях, например, с определенной возрастной когортой или эпохой, Г. М. Андреева вводит понятие «временной идентичности» (Андреева, 2000).

С проблематикой отношения к времени тесно связаны исследования социальных представлений об исторических событиях, проводимые в нашей стране Т. П. Емельяновой. Социальные представления рассматриваются ею как механизм объяснения исторических событий в контексте групповой жизни, поддержания групповой идентичности и группового копинга по отношению к конфликтным и травмирующим эпизодам групповой жизни. Т. П. Емельянова подчеркивает значимость изучения отношения социальной группы к своему прошлому (коллективной памяти) для более глубокого понимания процессов социальных изменений (Емельянова, 2002, 2003, 2006).

Социальные представления о времени стали предметом исторической реконструкции православного мирозерцания, проведенной М. И. Воловиковой, а также эмпирического исследования О. В. Виценко, изучавшей образ времени у представителей различных религиозных конфессий в России (Воловикова, 1997; Виценко, 2005). Оказалось, что наряду с

универсальными характеристиками образа времени существуют культурно-специфические его черты, связанные с образом мира той или иной социальной группы. Так, к инвариантным, ядерным элементам представления о времени относятся такие образы и характеристики, как «часы», «движущийся поток», измеримость, движение, конечность, делимость на модусы, связь с бытием, принуждающий характер влияния на человека, связь с изменениями, необходимость рационального использования. Однако если мусульмане и атеисты приписывают времени свойства цикличности, повторимости, то православные христиане более склонны описывать его как необратимое и однонаправленное (Виценко, 2005). Объяснение этих различий можно найти в образе мира, характерном для христиан как социальной группы. Христианское мировоззрение глубоко исторично, основано на принципах неповторимости и конечности земного пути личности и общества.

Изучается влияние социально-демографических и социально-психологических характеристик личности на ее отношение к времени (Безгодова, 2004; Подъячева, 2006). Большой интерес представляет исследование социальных представлений о времени, проведенное С. А. Безгодовой. Ею было обнаружено сходство в представлениях о времени у тех испытуемых, которые имели опыт общения друг с другом. Как показало исследование, суждения о времени имеют социально-психологическую природу. В частности, спонтанные ассоциации на слово «время» отражают не столько индивидуальное отношение субъекта к данному феномену, сколько семантическое поле этого феномена в социальной группе, к которой принадлежит субъект (Безгодова, 2004).

Отношение к времени как характеристика переживания политических и экономических изменений крупными социальными группами и обществом в целом стало темой целого ряда отечественных публикаций. В частности, в работе К. Муздыбаева «Переживание времени в период кризисов» рассматриваются некоторые характеристики субъективного времени крупных социальных групп в период социально-экономических изменений: знак эмоционального отношения к времени, временная ориентация, глубина планирования (Муздыбаев, 2000). В ряде работ анализируются особенности психологического времени тех социальных групп, формирование которых в значительной степени связано с социально-экономическими изменениями: бездомных и безработных (Алексеева, 2003; Мандркова, 2005). Отношение к времени как социетальная характеристика исследуется в работах целого ряда российских социологов (Наумова, 1997; Лычковская, Баш, 1998; Наумова, Пригожин, Горяинов, 2000; Попова, 1999).

Значимость социально-психологических аспектов психологического времени отмечают такие известные его исследователи, как Е. И. Головаха и А. А. Кроник, В. А. Ковалев и К. А. Абульханова-Славская. В частности, К. А. Абульханова-Славская говорит о необходимости учитывать при анализе личностного времени влияние социальных факторов – ситуационных и групповых (Абульханова, 2003). В. А. Ковалев вводит понятие «социохронотопа индивида» как особого времени-пространства социальной коммуникативной и профессиональной активности (Ковалев, 1991). Е. И. Головаха и А. А. Кроник говорят о значимости социально-психологического аспекта исследования времени – изучения особенностей отражения человеком времени в различных общностях и культурно-исторических условиях. По их мнению, социально-психологический подход к изучению времени позволяет выявить специфику представлений о времени в различных социальных группах: демографических, этнических, социально-экономических, региональных (Головаха, Кроник, 1988).

Анализ современной научной литературы, посвященной социально-психологическим аспектам времени, позволяет выделить *четыре основных теоретических направления исследования времени группы*. Первое из них можно назвать «системно-динамическим». Оно сформировалось в области теории малых групп и опирается на концепцию ритмов групповой деятельности Дж. Маграта и Дж. Келли. Истоки их концепции лежат в биологии, а именно в работах К. Питтендрей, с точки зрения которого понимание того, как один биологический цикл «захватывает

вается» другим и меняет под его влиянием свою частоту, является ключом к пониманию функционирования любого живого организма (Pittendrigh, 1972). Развивая это положение применительно к психическим и социальным процессам, Дж. Маграт и Дж. Келли пришли к выводу о том, что их основой является синхронизация, т. е. систематическая связь между периодами и фазами двух и более циклов. Когда изначально не зависящие друг от друга колебания в поведении индивидов и/или групп становятся скоординированными по периоду и фазе, можно говорить о «*социальной синхронизации*». За четверть века Дж. Магратом и его коллегами были предложены несколько теорий групповых процессов, включающих организацию времени как один из основных факторов: типология малых групп, в которой продолжительность их существования увязывается с внутригрупповыми процессами (McGrath, 1984), теория синхронизации циклов индивидуальной и групповой деятельности (McGrath et al., 1984), система временных показателей для наблюдения за групповой динамикой (Futoran et al., 1989), модель время-взаимодействие-деятельность (McGrath, 1991), теория групп как сложноорганизованных и динамических систем (Arrow et al., 2000). Центральной научной проблемой в данном подходе является *влияние объективной временной организации совместной деятельности на внутригрупповые процессы*. Так, С. Козловский совместно со своими коллегами предложил модель, в которой эффективность совместной деятельности рассматривается сквозь призму фаз развития группы и временных колебаний интенсивности выполнения задач (Kozlowski et al., 2001). М. Маркс, Дж. Мэтью и С. Заккаро предложили типологию групповых процессов, в которой групповая деятельность представлена как нелинейное и неравномерное развертывание эпизодов – циклов выполнения задачи (Marks et al., 2001). Основные положения этого направления сформулировали Х. Эрроу и ее соавторы в статье «Время, изменения и развитие: временной подход к группам» (2004). Группы предлагается рассматривать как постоянно меняющиеся сложные нелинейные системы, в которых процессы имеют многоуровневую временную структуру, т. е. могут быть представлены как множество накладывающихся друг на друга ритмов, циклов и длительностей (Arrow et al., 2004). *Отношение группы к времени* здесь трактуется как предпочитаемый или нормативно заданный способ организации действий во времени, т. е. предпочтение определенных ритма, темпа и продолжительности взаимодействия (Ancona et al., 2001).

Второе направление можно назвать «*ресурсным*». Оно сформировалось под влиянием теории неустойчивого равновесия К. Джерсик, согласно которой развитие группы происходит не поступательно, а скачкообразно (Gersik, 1991; Romanelli, Tushman, 1994). Исследуя работу проектных команд, К. Джерсик установила, что бурные изменения в группах происходят в середине срока, выделенного им на выполнение задачи, и *зависят от представления членов группы об оставшемся ресурсе времени*. Таким образом, основным для этого направления является положение о том, что *оценка временных интервалов членами группы оказывает влияние на групповую динамику*. Теория получила развитие в работах, посвященных представлениям участников совместной деятельности о ее временной структуре – графиках, конечных сроках, ритмах (Seers, Woodruff, 1997; Arrow, 1997; Lim, Murnighan, 1994; Blount, Janicik, 2001; Waller et al., 2002). *Отношение группы к времени* трактуется как групповые особенности оценки временных интервалов и предпочтения членов группы в распределении временных ресурсов.

Третье направление можно назвать *коммуникативным*. Оно восходит к интеракционистской парадигме в социальной психологии: ключевым теоретическим положением здесь является тезис о том, что время группы символически конструируется в ходе внутригрупповой коммуникации (Clayman, 1989; Zuccheromaglio, Talamo, 2000; Ballard, Seibold, 2003). Некоторые из исследователей сознательно отказываются от разграничения объективного и субъективного (психологического) времени, так как, с их точки зрения, время существует в межличностных отношениях, а не в сознании индивидов (Zuccheromaglio, Talamo, 2000). Тем не менее,

по мнению Д. Баллард и Д. Зейболд, можно выделить характеристики отношения группы к времени (предпочитаемую скорость, временную ориентацию и др.), которые формируются под влиянием: 1) типа организации совместной деятельности (последовательная, совместная, параллельная), 2) временной специфики технологии производства, 3) периодичности обратной связи, которую получают команды в организации в ответ на свои действия (Ballard, Seibold, 2003). *Отношение группы к времени* понимается как специфические способы координации совместных действий во времени, вырабатываемые в процессе коммуникации.

Четвертое, *кросс-культурное*, теоретическое направление сформировалось под значительным влиянием культурной антропологии времени (Munn, 1992). В центре внимания этого направления – *влияние представлений участников группы о времени на эффективность совместной деятельности*. Успешность совместной деятельности зависит от того, сумеют ли члены культурно разнородной группы адаптироваться к особенностям друг друга и выработать новые групповые нормы отношения к времени (Лебедева, 1999; Hall, Hall, 1990;

Levine, 1997; Hampden-Turner, Trompenars, 2002). Отношение группы к времени здесь рассматривается как система групповых представлений о природе времени.

* * *

На социально-психологические исследования, посвященных времени, не могли не повлиять общие *тенденции, характерные для всей социальной психологии* (Нестик, 2008; Журавлев, Нестик, 2009; Журавлев, Нестик, 2010). Отметим здесь лишь некоторые из них.

Во-первых, в центре внимания социальных психологов вновь оказываются групповые феномены. Так, например, с 1990-х годов наблюдается всплеск исследований в области малых групп и социальных сетей. Кроме того, многие феномены, рассматривавшиеся ранее только на внутриличностном или межличностном уровне, начинают исследоваться либо как групповые, либо с учетом группового контекста: групповая креативность, эмоциональное состояние группы и организационное настроение, эмоциональный интеллект группы, механизмы межличностной аттракции и близкие отношения, доверие, командные ментальные модели и др. Во-вторых, меняется представление о классических, предпочтительных, стандартных методах исследования: в социальной психологии последних пятнадцати лет все чаще используются качественные методы (интервью, наблюдение, анализ дискурса). В-третьих, не только в социальной психологии, но и в психологии личности преобладающими стали социокогнитивный подход и конструкционистская парадигма, уделяющие основное внимание не столько поведению, сколько восприятию, осмыслению и конструированию социальной реальности (Бергер, Лукман, 1995; Андреева, 2009; Асмолов, 1996).

Одним из следствий этой тенденции является то, что изучение механизмов социального явления часто подменяется изучением социальных представлений об этом явлении. В-четвертых, трудно назвать область социальной психологии, которая не носила бы сегодня междисциплинарный характер. Концептуальные основания своих исследований социальные психологи заимствуют из теории организаций, социологии, экономической теории, биологических наук.

Все эти тенденции в полной мере проявились и в области социально-психологического изучения времени. Если раньше основной единицей анализа выступало индивидуальное отношение к времени, то сегодня в качестве такой единицы чаще всего выступает отношение к времени в группе (проектной группе, подразделении, организационной субкультуре, организации, этнической группе, обществе).

Отношение личности к времени сегодня все чаще рассматривается с точки зрения группового или социетального контекста.

Объектом исследования времени как фактора групповой деятельности и группового отношения к времени в последние двадцать лет были в основном реальные, а не эксперимен-

тальные группы. С изменением объекта был связан и выбор методов исследования. Например, индивидуальное и групповое отношение к времени в организационной психологии чаще всего изучается с помощью опросников, а также качественных методов: глубинного интервью, включенного наблюдения, анализа множественных кейсов, контент-анализа и анализа дискурса.

Влияние конструкционизма сказалось в изменении представлений самих исследователей о феномене времени: теперь оно чаще всего рассматривается не как объективный ресурс, однородный и необратимый поток изменений, а как социально конструируемые представления. Не случайно представления о времени привлекают к себе интерес социальных психологов и у нас в стране, и за рубежом (Ramos, 1992; Безгодова, 2004; Виценко, 2005 и др.). Следует заметить, что именно в тех областях социальной психологии, в которых проблема времени изучается наиболее интенсивно, – организационной психологии и кросс-культурной психологии, психологии социального познания, – исследователей интересует не столько объективное время и его роль в межличностных и групповых процессах, сколько субъективное время и его социальное конструирование. Наиболее отчетливо это смещение исследовательских интересов заметно в области организационной психологии и социологии организаций. В 1970-е и 1980-е годы предметом исследований здесь становились прежде всего организация времени как объективного ресурса и влияние дефицита времени на групповые процессы. В 1990-е и 2000-е годы появились работы, посвященные тому, как особенности совместной деятельности влияют на восприятие и переживание времени.

Наконец, значительная часть работ, посвященных социально-психологическим аспектам феномена времени, носит междисциплинарный характер. Сегодня среди социальных психологов стали популярны концепции времени, заимствованные из других научных областей: теория биологических циклов К. Питтендрая, теория структуризации Э. Гидденса, теория систем, синергетика и др.

Говоря о состоянии исследований феномена психологического времени в социальной психологии, приходится отметить их высокую концептуальную разрозненность. По-прежнему крайне мало работ, посвященных теоретическому обобщению накопленных данных.

Вышедшие до сих пор работы обобщающего характера относятся к частным областям социальной психологии (например, организационная психология, кросс-культурная психология). Как правило, они охватывают лишь определенный уровень социально-психологического анализа: личность сотрудников организации (Bluedorn, 2002), межличностные отношения (Болотова, 1997), малые группы в организации (McGrath, Kelly, 1996), этнокультурные или религиозные общности (Levine, 1997). Очень слабо проработанным и противоречивым остается понятийный аппарат социально-психологических исследований времени: практически каждый автор стремится ввести свои собственные обозначения для тех или иных временных феноменов.

По сравнению с зарубежной отечественная социальная психология сосредоточена в основном на макropsychологических аспектах отношения к времени: объектом исследования чаще всего становятся большие группы, тогда как переживание и осмысление времени в малых группах и организациях практически не изучается.

Наиболее освоенными и у нас в России, и за рубежом можно считать внутриличностный, внутригрупповой и социетальный уровни анализа времени как социально-психологического феномена. Значительно реже задействуется уровень межличностных отношений, в том числе темпоральные аспекты межличностного общения. Наконец, наименее представленным в современной социальной психологии времени оказался межгрупповой уровень анализа, в том числе межгрупповые конфликты, связанные с различиями в отношении к времени, изменение коллективной памяти в ходе межгруппового взаимодействия.

Намечая перспективы дальнейших исследований в области социальной психологии времени, выделим несколько наиболее актуальных, на наш взгляд, направлений.

Важное значение для понимания механизмов социального конструирования времени имеют исследования социальных компонентов автобиографической памяти, формирования представлений о коллективном прошлом и будущем в ходе первичной и вторичной социализации личности. На уровне внутриличностного и межличностного анализа требует своего дальнейшего изучения феномен полихронности, т. е. склонности личности заниматься несколькими делами одновременно. До сих пор остается неясным, в какой мере эта характеристика является индивидуально-психологической, а в какой – обусловлена особенностями организации времени в трудовых коллективах, профессиональных и этнокультурных группах.

Малоизученными остаются аспекты межличностной совместимости, связанные с совпадением или взаимодополнительностью характеристик индивидуального отношения к времени. Также заслуживает внимания проблема индивидуального переживания времени в межличностном конфликте. В частности, требует эмпирического исследования феномен сужения временного горизонта при эскалации конфликта, стремление сторон получить все здесь и сейчас, затрудненность анализа долгосрочных последствий. Исследования в этой области психологии конфликта имеют очевидное прикладное значение. В области психологии переговоров чрезвычайно перспективными являются исследования влияния долгосрочной и краткосрочной ориентации сторон на их поведение в переговорном процессе.

Недостаточно изучена роль коллективной памяти и групповых представлений о совместном будущем в социальной интеграции группы. Чрезвычайно актуальными в этой связи являются исследования феномена, получавшего различные названия в психологической традиции: «общность судьбы», групповая временная перспектива, совместное видение будущего. Малоизученным остается влияние внутригрупповых процессов на отношение группы к времени. Несмотря на широкую популярность в современной теории лидерства такого понятия, как лидерское видение, т. е. способности руководителя формировать образ коллективного будущего, психологи только приступают к эмпирическому изучению данного феномена. Наконец, требует дальнейшего концептуального анализа и эмпирического изучения структура группового отношения к времени. В этой связи представляется чрезвычайно перспективным изучение отношения к времени как характеристики организационной культуры.

По-прежнему актуальным остается изучение временных аспектов межгруппового взаимодействия, а также влияния межгрупповых отношений на психологическое время группы. Например, мы очень мало знаем о том, как меняются групповые представления о прошлом и будущем в зависимости от результатов межгруппового взаимодействия, какую роль при этом играют механизмы групповой идентификации и социального сравнения. На наш взгляд, большим эвристическим потенциалом в этом плане обладает понятие социально-временной идентичности, т. е. отождествления себя с группой по временным признакам. До сих пор практически не изученными остаются временные характеристики социальных стереотипов, между тем их роль в социальном взаимодействии может быть очень велика (например, представления о консервативности или прогрессивности, медлительности или поспешности, пунктуальности или неорганизованности, прозорливости или «близорукости» представителей определенных социальных групп).

При изучении отношения ко времени крупных социальных групп и всего общества огромное теоретическое и прикладное значение имеет уточнение механизмов, лежащих в основе формирования коллективной памяти и образа будущего. При этом если социальные представления о прошлом уже изучаются и у нас в стране, и за рубежом, то представления о будущем изучаются в основном лишь в связи с социальными страхами. Между тем мы все еще мало знаем о том, как формируется позитивный образ национального будущего и какие социально-психологические функции он выполняет. Прикладной аспект данной проблемы становится очевидным, если принять во внимание роль социальных ожиданий в периоды экономических кризисов. Важнейшей теоретической проблемой при этом становится проблема

социальной интеграции меняющегося общества. Иными словами, при изучении крупных социальных групп социальная психология времени сталкивается с вопросами о том, как формируется отношение к изменениям, как будущее увязывается в групповом сознании с прошлым, каким образом сохраняется позитивная гражданская идентичность в условиях радикальных и непрерывных изменений.

Глава 2

Отношение личности к времени и социальная интеграция

Социальное конструирование времени: теоретический анализ¹

Глобализация, разрыв между традиционным, индустриальным и постмодернистским отношением к времени, утрата веры в прогресс, в линейность и всеобщность истории поставили задачу возвращения человеку отчужденного от него времени, восстановления исторического оптимизма, выработки новых культурных навыков – умения объединять, а не противопоставлять друг другу различные этнокультурные и социально-политические концепции времени.

В российских условиях эта общая проблема встает особенно остро. Первоначальная ценностная дезориентация российского общества начала 1990-х выразилась в оценках настоящего как «безвременья», «смутного времени». Кризис идентификации сменился расколом общества на те социальные группы, которые не смогли адаптироваться к социально-экономическим трансформациям, ориентированы на прошлое, считают настоящее не своим временем («стремящиеся выжить»), и те группы, которые успешно адаптировались к переменам, приняли их как свое время («ориентированные на достижения»). Представления о прошлом и будущем также служат механизмам идентификации: для одних они выступают объектами компенсаторных проекций, а для других – навязанным, чужим временем (Дубин, 1996, 2001; Зборовский, Широкова, 2001). Различия во временной ориентации, в образах времени, в толковании анахроничности и современности между возрастными, классовыми, социально-политическими, религиозными и этническими группами затрудняют преодоление аномии, формирование единой системы ценностей и социальных норм не только в российском обществе, но и в других постсоциалистических странах (Наумова, 1997; Наумова и др., 2000; Попова, 1999; Tarkowska, 1989, 1993).

Это делает необходимым и актуальным изучение формирования групповых представлений о времени. По-видимому, построение такой концепции и ее эмпирическая проверка могут идти двумя путями: через исследование того, что сближает восприятие времени разными людьми и социальными группами, или через изучение социальных и психологических механизмов возникновения различий в восприятии времени.

В данной главе мы предлагаем пойти первым путем и рассмотреть способы построения единого образа времени в культуре, опираясь на теоретические положения современной социологии и культурной антропологии времени. Сделать это удобнее всего на примере конструирования образа «настоящего».

В основу нижеследующих рассуждений мы положим тезис, который можно считать общепринятым и не требующим специального обоснования: *возникновение и развитие представлений о времени в культуре вызвано прежде всего необходимостью синхронизации деятельности индивида и человеческого сообщества в изменяющемся мире*. Это положение стало общим местом социологических и культурно-антропологических исследований времени начиная с

¹ Глава была написана и опубликована в виде отдельной статьи (Нестик, 2003) при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-03-18171а).

пионерских работ А. Юбера и М. Мосса и заканчивая последними обобщающими работами Б. Адам, Н. Мунн и А. Джелла (Adam, 1990, 1995; Munn, 1992; Gell, 1992). Речь пойдет о том, как мы конструируем отношение одновременности нашего функционирования в социальном взаимодействии и какова структура наших представлений о времени.

В общественных науках объективные отношения предшествования, следования и одновременности между действиями людей, социальными явлениями и процессами получили название «*социального времени*» (Фомичев, 1993)². Согласно П. Сорокину и Р. Мертону, социальное время – это выражение «изменения или движения одних социальных явлений по отношению к другим социальным явлениям, взятым в качестве точки отсчета» (Sorokin, Merton, 1937, p. 618). Зачастую социальное время отождествляется с самими социальными изменениями. Так, с точки зрения Ж. Гурвича, это «время совпадения и рассогласования движений целостных социальных явлений, которые могут быть глобальными, групповыми и микросоциальными, независимо от того, выражены они в социальной структуре или нет» (Gurvitch, 1964, p. 27, 30).

Однако к социальному времени относится не только объективная его составляющая (длительность, последовательность, темп и периодичность социальных процессов), но и *социальные представления о времени* – т. е. *общепринятые* в рамках какой-либо социальной группы представления о временных отношениях между культурно значимыми процессами и явлениями, закрепляемые и воспроизводимые при помощи различных культурных кодов в актах коммуникации. К сожалению, *причиной многих недоразумений, вызывающих жаркие споры вокруг самого понятия «социальное время», является отсутствие у большинства исследователей разграничения между объективными временными характеристиками социальных процессов и социальных групп, с одной стороны, и субъективным их отражением в групповом сознании – с другой.*

Еще Э. Дюркгейм писал о том, что категория времени отображает ритмы коллективной деятельности той или иной социальной группы, т. е. представление о времени – это представление о социальном времени, *общем* для данного сообщества людей (Durkheim, 1912)³. Однако наиболее значительное влияние на формирование представлений о времени в социальных науках оказал Дж. Г. Мид.

Согласно Дж. Г. Миду, существование общества возможно именно потому, что люди способны к принятию временных перспектив друг друга. Предметы физического мира и животные объективно находятся в том или ином отношении к окружающей среде. Но только человек при помощи символической коммуникации способен разделять перспективы (отношения), в которых находятся другие, принимать на себя их пространство и время. Под перспективой он, в духе лейбнизианской монадологии, понимает восприятие в одном событии всех остальных (Mead, 1932; 1965). Таким образом, здесь «нахождение объекта в одной системе предполагает его пребывание во многих других. Это то, что я называю *социальностью настоящего*», – пишет Дж. Г. Мид (Mead, 1932, p. 63). Интерсубъективность и обмен социальными ролями возможны благодаря способности личности вступать во временные (событийные) ряды других людей и социальных групп. Сама социальность есть способность одновременно находиться в нескольких отношениях к миру, быть несколькими вещами одновременно (Mead, 1932, p. 49). Таким образом, не только культура, но и человеческая деятельность не были бы возможны без нашей способности устанавливать отношения одновременности, в которых согласовано множество временных перспектив. Будущее и прошлое возникают в ходе коммуникации между членами сообщества, превращающей индивидуальное настоящее (*specious present*) в иерархию множе-

² Понятие социального времени было впервые употреблено Э. Дюркгеймом в 1912 г., но систематически оно было разработано лишь в 1937 г. П. Сорокиным и Р. Мертоном (Sorokin, Merton, 1937).

³ Уже в 1905 г. эта мысль была сформулирована его учеником А. Юбером (Hubert, 1905). Позднее этот очерк был опубликован им в соавторстве с М. Моссом (Hubert, Mauss, 1909).

ства систем отсчета. Поэтому человеческое настоящее для Дж. Г. Мида представляет собой не момент, а скорее длящееся целое: это перспектива, в которой мы «прядем» свое время. Именно из настоящего мы строим и перестраиваем наши прошлое и будущее, именно здесь они обретают свою уникальность (Mead, 1965, p. 332, 335). Воспроизводство коллективных представлений о времени происходит в процессе социализации ребенка, т. е. обучения смотреть на себя (на свое *hic et nunc*) глазами обобщенного Другого (Tillman, 1965, p. 541). «В процессе коммуникации индивид должен стать другим прежде, чем становится собой... И тогда индивид способен стать обобщенным Другим, относясь к себе через отношение группы или сообщества. Так он становится определенным Я по отношению к социальному целому, частью которого он является. Это и есть общая перспектива» (Tillman, 1970, p. 168). На подтверждении избранной системы отсчета другими «наблюдателями» зиждется индивидуальность личности и события: постоянство, неизменность не даны нам изначально, они конструируются обществом для координации действий своих членов (Mead, 1965, p. 340–341). Возможность выбора существует благодаря относительности времени, т. е. неограниченному количеству возможных временных порядков, однако перспектива, избранная индивидом, объективируется только тогда, когда она совпадает с перспективой целого (Mead, 1932, p. 174–175).

Согласно феноменологическому подходу А. Шюца, переживание времени разными людьми схоже, поскольку их сближает жизненный мир, который они создают, соотнося себя друг с другом. Каждому человеку доступно переживание времени как «мирового» и как «принуждающего». Через повседневное соотнесение себя с другими приходит осознание «мирового» времени (*die Weltzeit*) как длительности, превосходящей «мое» время: я умру, а мир будет существовать дальше (Schütz, Luckmann, 1970, S. 62). Кроме того, человек сталкивается с принуждающей силой времени (*die Zwangsläufigkeit*) через существование в разных биологических и социальных временных порядках и переживание невозможности их полного согласования. Все мы вынуждены жить по принципу «сначала то, что нельзя отложить» (Schütz, Luckmann, 1970, S. 64).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.